

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ЦИФРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ США

Аннотация

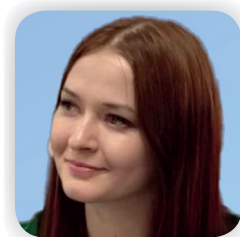
В статье рассматривается проблематика периодизации цифровой дипломатии США. В результате анализа открытых источников автором была разработана периодизация на основе трех критериев: институциональных изменений, декларируемых приоритетов и доминирующих технологий Государственного департамента США. Автор приходит к выводу о возможности выделить три основных периода цифровой дипломатии США.

Ключевые слова: цифровая дипломатия США, цифровизация дипломатии, периодизация, история цифровой дипломатии.

Автор

Павлюченко Александра Андреевна

Преподаватель факультета мировой политики
МГУ имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Несмотря на почти двадцатилетний опыт изучения влияния цифровизации на дипломатию как институт международных отношений, было предпринято не так много попыток выработки периодизации данного процесса [13]. Что осложняется и отсутствием устоявшегося определения данного процесса. Наибольшее внимание среди исследований заслужила цифровизация коммуникативных аспектов дипломатии и публичной дипломатии.

В отечественной академической литературе наиболее четко данная периодизация была сформирована в работе профессора Санкт-петербургского университета Н.А. Цветковой¹. В своей

работе 2020 года Цветкова обозначает в качестве отправной точки цифровой дипломатии 2009 год и выделяет два основных ее периода.

Первый этап — 2009–2012 гг., «когда цифровая дипломатия продвигала позитивный образ государства, а концепция «мягкой силы», состоящая в привлечении целевой аудитории при помощи убеждения, диалога и пр., использовалась как императив для нарождающегося феномена» [2].

Второй этап — 2013–2017 гг., «когда появились новые методы анализа поведения пользователей социальных сетей, что сделало цифровую дипломатию крайне эффективным средством для проведения политических кампаний, выборов или протестных акций. Концепция «острой силы» [26],

¹ Цветкова Наталья Александровна — доктор исторических наук, Ph.D. in Social and Behavioral Studies, профессор, завкафедрой американских исследований, руководитель магистерской программы на английском языке: MA in International Relations, руководитель магистерской программы «Исследования Тихоокеанского региона», главный редактор журнала «Вестник СПбГУ.

Международные отношения», глава Комиссии по контролю за качеством образования УМК направления «Международные отношения», член ученого совета факультета международных отношений и ученого совета СПбГУ.

использование больших данных, а также применение алгоритмов программирования для получения сведений о политической ориентации пользователей позволили многим акторам оказывать существенное влияние на пользователей» [2].

Учитывая, что Цветкова в данной работе определяет цифровую дипломатию, как «правительственный механизм влияния на пользователей социальных сетей» [2] такая точка отсчета представляется логичной, так как примерно в это время социальные сети вошли в качестве инструмента в обиход внешнеполитических ведомств. Однако это определение и отправная точка не позволяют рассмотреть другие платформы взаимодействия с зарубежной публикой и «заужают» цифровую дипломатию до взаимодействия с иностранной аудиторией в социальных сетях, оставляя за скобками влияние цифровизации на дипломатию как на институт в целом.

Обращаясь к зарубежной академической дискуссии, можно отметить, что наиболее четко вопрос о периодизации данного процесса был описан израильским исследователем И. Мэнором¹. В своей монографии 2019 года «Цифровизация публичной дипломатии» Мэнор также выделяет два периода цифровизации публичной дипломатии, не отмечая точной даты ее начала [23]. Мэнор выделяет цифровизацию публичной дипломатии до и после обострения информационного противостояния между внешнеполитическими ведомствами на фоне Крымского кризиса, выбирая в качестве водораздела 2014 год.

В качестве основных критериев, характеризующих переход от первого ко второму этапу цифровизации

публичной дипломатии, Мэнор выделяет следующие: переход от линейной к алгоритмичной коммуникации (from linear to algorithmic communication), переход от цифровой тактики к цифровой стратегии (from digital tactics to digital strategies), переход от взаимодействия с лидерами мнений к цифровым гейткeперам (from networks of influencers to network gatekeepers), переход от дипломатии аргументов к дипломатии нарративов (from argument-based diplomacy to narrative-based diplomacy), переход от таргетированного контента к адаптированному (from targeting to tailoring).

Данная периодизация базируется на коммуникационных аспектах цифровой дипломатии и так же, как и периодизация Н.А. Цветковой, исходит из логики взаимодействия с аудиторией в социальных сетях, что несомненно является важным предметом для исследования, но не единственным возможным подходом.

Исходя из более широкого определения цифровой дипломатии как «общего влияния на дипломатические практики информационно-коммуникационных технологий» [22], автором статьи была предпринята попытка отследить трансформацию цифровой дипломатии США на основании трех критериев: институциональных изменений, доминирующих технологий и приоритетного направления. Данные изменения представлены в виде таблицы в конце статьи. В качестве эмпирического материала исследования были использованы размещенные в открытом доступе доклады Консультативной комиссии по публичной дипломатии США, стратегические планы по Информационным технологиям Государственного департамента, речи заместителей Государственного секретаря по публичной дипломатии, интервью с Главами Бюро по управлению информационными ресурсами и информация, доступная на действу-

¹ Ilan Manor — научный сотрудник Центра публичной дипломатии Университета Южной Калифорнии в 2019–2021 гг., преподаватель Университета Бен-Гуриона в Негеве; Член исследовательской группы цифровой дипломатии Оксфордского университета.

ющей и архивированной версиях сайта Государственного департамента США в период с 1996 по 2023 гг.

Цифровая дипломатия накануне нового миллениума

Начальной точкой исследования был выбран период администрации Б. Клинтона, т.к. именно в это время можно зафиксировать появление цифровой дипломатии в современном понимании. Во-первых, именно в этот период можно отметить упоминание технологий, которые сегодня понимаются в контексте цифровой дипломатии — интернета и электронной почты [5, 3]. Во-вторых, в 1995 году был запущен веб-сайт государственного департамента [40]. И наконец самым важным событием, произошедшим в период администрации Б. Клинтона, стало создание в 1997 Бюро по управлению информационными ресурсами (Bureau of Information Resource Management (IRM)) [37].

Главным приоритетом Бюро стало «улучшение возможностей Департамента по работе с электронной почтой, сетью и Интернетом... устранение «проблемы 2000 г.»¹, а также повышение безопасности компьютерных и коммуникационных систем Департамента. Бюро также управляло компьютерной системой Центра снижения ядерной опасности, которая связывала Департамент с ядерными государствами бывшего Советского Союза. Сотрудники Бюро распоряжались глобальными коммуникационными системами США, которые обеспечивали постоянную связь между Департаментом и всеми дипломатическими и консульскими представительствами США» [37].

¹ Проблема, связанная с тем, что разработчики программного обеспечения, выпущенного в XX в., иногда использовали два знака для представления года в датах, что могло привести к массовому сбою работы компьютерных систем при наступлении 2000 г.

В 1998 г. Бюро подготовило документ, в котором излагались цели Государственного департамента в сфере информационных технологий до 2005 г. В документе содержалась прямая отсылка к одному из наиболее значимых докладов, посвященных влиянию цифровизации на дипломатию того периода — “Reinventing diplomacy for informational age” Центра стратегических и международных исследований (CSIS) [10]. Данный факт может свидетельствовать о том, что уже на тот период Бюро активно принимало на вооружение идеи и концепции экспертного сообщества.

Обозначенные в документе цели в дальнейшем были конкретизированы в Стратегическом плане Бюро по информационным технологиям на 2001–2005 фискальные годы [14]. Среди них были: безопасная глобальная сеть и инфраструктура; свободный доступ к приложениям и информации по международным делам; интегрированный обмен сообщениями; использование IT для оптимизации операций; поддержание обучения и продуктивности сотрудников.

На тот момент не во всех посольствах был обеспечен доступ к сети Интернет, а E-mail сервис Госдепартамента функционировал нестабильно, хотя уже тогда сотрудники департамента обменивались 20 млн. электронных писем в год [14]. Поэтому во многом деятельность Бюро в конце 90-х сводилась к наращиванию IT-инфраструктуры, необходимой для реализации цифровой дипломатии в том виде, в котором мы наблюдаем ее сегодня.

Теракты 11 сентября стали шоковым фактором, способствовавшим резкому ускорению внедрения IT-технологий в работу Государственного департамента. При К. Пауэлле все посольства были оснащены веб-сайтами, а дипломаты — мобильными устройствами [11]. Также в 2002 г. было создано Управление по Цифровой Дипломатии (Office of

E-Diplomacy), функционировавшее в рамках Бюро управления информационными ресурсами. Приоритетным направлением деятельности Управления стало «привлечение государственных дипломатов к процессу принятия решений в области информационных технологий; улучшение способов связи и сотрудничества внутри и за пределами государства; продвижение управления знаниями» [19].

В рамках подразделения позже были запущены такие флагманские проекты, как внутренняя коллаборативная онлайн-энциклопедия *Diplopedia*, платформа для нетворкинга сотрудников *CoGridor*, внутренняя социальная сеть для межведомственной коллаборации *Communities@State* [19], [27]. Эти проекты были частью инициативы «Лидерство в сфере знаний на государственном уровне», направленной на создание системы управления знаниями Департамента [21]. Таким образом, можно утверждать, что именно во время пребывания К. Пауэлла на посту руководителя Госдепартамента происходило масштабное и систематическое внедрение информационных технологий во внутренние процессы Государственного департамента, то есть цифровизация дипломатии.

Говоря об использовании новых платформ коммуникаций, важно отметить, что Интернет все еще не был приоритетным каналом для взаимодействия с зарубежной публикой и в целом для данного периода характерен поиск возможных форм и платформ взаимодействия с ней, прослеживавшийся в ряде пилотных проектов.

В частности, на фоне американского вторжения в Ирак с подачи заместителя государственного секретаря по публичной дипломатии Ш. Бирс была запущена инициатива «Общие ценности» (*The Shared Values Initiative*) с инновационным интерактивным компонентом в виде веб-сайта *opendialogue.com*, на котором представители мусульманско-

го сообщества могли поделиться своим опытом взаимодействия с Соединенными Штатами [11]. Целью программы было восстановление общественного доверия к США в арабском мире, однако, согласно американскому исследователю публичной дипломатии Н. Каллу, инициатива подверглась широкой критике [11].

Последовавшие проекты цифровой публичной дипломатии периода администрации Дж. Буша, направленные на коммуникацию с зарубежной публикой в сети также отличались бессистемностью своего внедрения и либо были направлены на прямое общение с зарубежной публикой, либо на вовлечение ее в производство проамериканского контента. Среди них были, в частности, взаимодействие с пользователями Интернета в чатах (так называемые *Public diplomacy chats*) [36], платформа для нетворкинга на базе американского посольства в Корею "*Cafe US/Seoul*", а также группа по цифровым внешним контактам (*Digital Outreach team*) [34], [20]. Группа состояла из 11 носителей арабского языка, урду и фарси, которые на форумах вступали в диалог с жителями Ближнего Востока с целью донести до них позицию Государственного департамента¹.

Проведенный анализ работы группы за 2009 год выявил несколько основных проблем [20]. Во-первых, у сотрудников уходило в среднем 2,7 дня для ответа на форумах. Во-вторых, они использовали логические и фактологические комментарии в ответ на эмоциональные и использовали отрывки из официальных речей. Обе эти проблемы свидетельствуют о значимых препятствиях, с которыми в период зарождения коммуникации в цифровой среде сталкивались не только американские дипломаты. В первую очередь, это корпоративная

¹ Планировалось также включение носителя русского языка, что свидетельствует о сохранении постсоветского пространства в качестве приоритета второго порядка.

культура, которая требовала от дипломатов согласования контента. Также коммуникацию затрудняло отсутствие понимания принципов ведения диалога с рядовой зарубежной публикой в сети. Наконец для того периода была характерна недостаточность языковой подготовки сотрудников Департамента, занимающихся цифровыми проектами. При наполнении контентом 193 сайтов американских посольств использовалось всего 7 языков, следовательно, основная масса веб-сайтов велась строго на английском языке, и информация на них была доступна только узкому кругу граждан страны пребывания [36].

Наиболее экспериментальным подходом к коммуникации с зарубежной публикой можно назвать деятельность Дж. Глассмана, который занимал пост заместителя по публичной дипломатии в последний год администрации Буша. Сам Глассман характеризовал этот подход как Diplomacy 2.0 и в основном он был направлен на вовлечение зарубежной аудитории в формирование нарратива о Соединенных Штатах. Наиболее ярко его подход отражается в конкурсных программах коротких видеороликов, размещавшихся позже на платформе YouTube "Democracy Is..." и "My Culture Plus Your Culture Equals...", организованных в партнерстве с NBC Universal, the Directors Guild of America, Tisch School и Adobe Foundation [16].

Также при Дж. Глассмане было опробовано несколько экспериментальных проектов на платформе виртуальной реальности Second Life, одним из которых стал международный джазовый фестиваль [11]. Кроме того, в период работы Дж. Глассмана на посту была запущена группа по мониторингу Интернет-пространства, а также программа обмена опытом по работе в социальных сетях с представителями НПО — The Alliance of Youth Movements [16].

Таким образом, можно сказать, что для цифровой дипломатии США с середины 1990-х до конца администрации Дж. Буша-мл. характерно наращивание

IT-инфраструктуры, необходимой для реализации цифровой дипломатии, что можно проследить в создании IRM Бюро и приоритетах его деятельности, а также создание платформ для систематизации внутренней информации на базе Wiki-технологии и внутреннего нетворкинга.

Коммуникация с зарубежной публикой этого периода отличалась поиском платформ и формата взаимодействия. Чаты, форумы и платформы виртуальной реальности в этот период соседствовали с программами, направленными на создание контента, сгенерированного пользователями (UGC). Но даже на примере DOT как наиболее изученного из кейсов данного периода, можно увидеть неготовность бюрократической структуры и корпоративной культуры Государственного департамента к скорости реакции, которой требует Интернет.

Цифровая дипломатия при Х. Клинтон

Приоритетными направлениями цифровой дипломатии при администрации Дж. Буша являлись восстановление американского имиджа после вторжения в Ирак, а также борьба с терроризмом и экстремизмом. Однако к началу президентства Б. Обамы распространение онлайн-вербовки продолжало оставаться актуальной проблемой [23], [17]. Неслучайно ряд исследователей упоминают ее в качестве одного из ключевых факторов активизации государств в сети в 2010-х гг. наравне с событиями Арабской весны [33], распространением гражданской журналистики [22], скандалом WikiLeaks [31] и успешной предвыборной кампании Б. Обамы [35]. Борьба с терроризмом как приоритет американской цифровой дипломатии получила отражение не только в Каирской речи [29], но и вызвала структурные изменения Государственного департамента в первые годы президентства Б. Обамы.

В 2011 г. президентским указом в рамках Государственного департамента был сформирован Центр стратегических контртеррористических коммуникаций (Center for Strategic Counterterrorism Communications, CCCC). Его цель заключалась в «поддержке учреждений в общегосударственных мероприятиях по связям с общественностью, направленных против воинствующего экстремизма и террористических организаций» [4]. Одним из проектов Центра стала кампания “Think Again, Turn Away”, призванная бороться с радикализацией и вербовкой джихадистов на платформах таких социальных сетей как Twitter и Facebook. Проект был раскритикован в СМИ за использование «мемов», отсутствие понимания своей цели и в конечном счете неэффективность [41]. По состоянию на 2013 г. аккаунт «Think Again, Turn Away» насчитывал 7,3 тысячи подписчиков. Для сравнения, всего годом позднее в рамках исследования поведения членов ИГИЛ¹ в Интернете, Дж. Бергер и Дж. Морган выявили по меньшей мере 46 тысяч аккаунтов, симпатизировавших идеям ИГИЛ и продвигавших их [9].

Финансовый кризис, с последствиями которого столкнулась администрация Обамы, повлиял на оценку американскими дипломатами геополитической обстановки. Изменение взглядов нашло отражение в формулировках «Четырехлетнего комплексного обзора дипломатии и развития» [39], подготовленного Государственным департаментом совместно с Агентством США по международному развитию. Как отмечается в докладе, «новые державы и центры глобального и регионального влияния XXI в., включая Бразилию, Китай, Индию, Индонезию, Мексику, Нигерию, Россию, Южную Аф-

рику и Турцию, определяют сегодняшний геополитический ландшафт», что сильно отличается от характера докладов 1990-х годов [3]. О смене американского мировосприятия свидетельствует и «перезапуск» отношений с Россией и Китаем. Финансовый кризис также повлиял на дух документа в целом: вопрос о «получении максимума из каждого доллара» [39] являлся лейтмотивом как вступительного слова Х. Клинтон, так и всего документа.

Принимая во внимание финансовую доступность социальных сетей как инструмента публичной дипломатии, предложенная Х. Клинтон инициатива «Государственное управление для XXI века» (21st Century Statecraft initiative) опиралась во многом на цифровую составляющую и вовлечение молодежи, НПО и представителей технологического сектора в американскую цифровую дипломатию. Под ее эгидой были запущены следующие инициативы:

- виртуальная студенческая федеральная служба (The Virtual Student Foreign Service), в рамках которой студенты американских университетов взаимодействовали с сотрудниками дипломатических миссий, чтобы «проводить разъяснительную работу в Интернете и использовать возможности людей в США»;
- «Гражданское общество 2.0» (Civil Society 2.0), объединившее сообщество информационных и коммуникационных технологий с организациями гражданского общества по всему миру;
- Tech@State — «серия конференций в Государственном департаменте, объединяющих новаторов, американских дипломатов и других правительственных чиновников для обмена опытом и разработки новых инструментов дипломатии и развития» [39].

Однако больше всего на состояние современной дипломатии повлияло системное внедрение использования

¹ «Исламское государство», или «Исламское государство в Ираке и Леванте» (ИГ / ИГИЛ), — организация, признанная террористической и запрещенная на территории Российской Федерации решением Верховного Суда РФ от 29.12.2014.

социальных сетей посольствами и дипломатами, произошедшее во время пребывания Х. Клинтон на посту и их внедрение в корпоративную культуру Государственного департамента. Не случайно именно этот фактор как точку отсчета применяют некоторые исследователи в качестве начала цифровой дипломатии.

Деятельность Государственного департамента в этот период в сфере цифровой и кибердипломатии в целом отличается системностью и концептуальная наполненность, в отличие от предыдущего этапа. Не последнюю роль в данном вопросе сыграло назначение активно продвигавшей сетевой подход Э.М. Слоттер на должность директора по политическому планированию Государственного департамента.

IT-технологии предоставили дипломатам не только инструменты для работы, но и новую переговорную повестку, что отмечал еще в 2001 году автор термина «Цифровая дипломатия» Вилсон Дизард [13]. Для координации «глобального дипломатического взаимодействия Департамента по кибервопросам» [18] в Государственном департаменте был создан Офис по кибервопросам и назначен координатор по кибервопросам, а также концептуализирована кибердипломатия [6].

Таким образом, цифровая дипломатия США при Государственном секретаре Х. Клинтон стала логическим продолжением политики ее предшественников и была бы невозможна без масштабного построения IT-инфраструктуры ее предшественников, и огромного количества пилотных проектов различной степени успешности.

Цифровая дипломатия в эпоху информационного противостояния

Информационное противостояние, усилившееся на фоне обострения Крымского кризиса, способствовало смене приоритетов цифровой дипломатии Соединенных Штатов

в 2016–2017 гг. Можно отметить секьюритизацию информационного влияния со стороны России, Китая, Ирана и Северной Кореи и последовавшую активизацию участия США в диалоге по международной информационной безопасности. Данные процессы можно проследить по нескольким маркерам. Начиная с 2015 г. в ежегодном докладе Консультативной комиссии по публичной дипломатии в число стратегических приоритетов американской публичной дипломатии вошла «борьба с насильственным экстремизмом и негативным влиянием России в Европе и Центральной Азии» [1].

Также можно отметить принятие в 2016 г. закона о противодействии иностранной пропаганде и дезинформации, ставшего частью Акта об ассигновании на национальную оборону на 2017 финансовый год (NDAA) [24]. NDAA 2017 стал первым актом со времен холодной войны, поручившим «официальному руководству общегосударственные усилия по борьбе с дезинформацией» [30].

Наконец в 2016 г. на базе существовавшего ранее Центра стратегических контртеррористических коммуникаций (CSCC) был создан Центр глобального взаимодействия (Global Engagement Center). Если основной задачей Центра стратегических контртеррористических коммуникаций была контртеррористическая деятельность, то задача Центра глобального взаимодействия состояла в том, чтобы «направлять, руководить, синхронизировать, интегрировать и координировать усилия федерального правительства США по распознаванию, пониманию, разоблачению и противодействию усилиям иностранной государственной и негосударственной пропаганды и дезинформации, направленным на подрыв или влияние на политику, безопасность или стабильность Соединенных Штатов, их союзников и стран-партнеров» [4]. В рамках Центра функционируют четыре группы: по России, Китаю, Ирану и противодействию

терроризму, «призванные повысить общественную и институциональную устойчивость к иностранной пропаганде и дезинформации за рубежом» [4]. Принципиально новым для Центра стало использование дата-аналитики для выявления «информационного влияния, нарративов, тактик и техник» [4] государственных и негосударственных акторов.

Последовавшее в 2019 г. слияние Бюро информационных программ и Бюро по связям с общественностью в рамках Государственного департамента также, согласно докладу Консультативной комиссии по публичной дипломатии, имело целью, помимо более эффективного функционирования в эпоху Интернета, «борьбу с русской дезинформацией» [30].

Для этого периода характерно и изменившееся восприятие Интернета американским истеблишментом. На смену «завышенным ожиданиям» от социальных сетей и их потенциала для выстраивания нового американского доминирования пришла секьюритизация Интернета как такового, о чем свидетельствует доклад Консультативной комиссии по публичной дипломатии «Сможет ли публичная дипломатия выжить в Интернете» (“Can public diplomacy survive the internet”). В докладе подробно рассматриваются такие явления, как эхо-камеры, пузыри фильтров¹, алгоритмы и боты. В докладе также отмечается кризис нарратива американского лидерства, связанный

с тем, «что системы, которые поддерживают и нормализуют этот нарратив, не смогли служить большому количеству сообществ, как в Соединенных Штатах, так и за рубежом» [30]. Окончательно идея об информационном противоборстве сформализовалась в докладе Комиссии 2020 г. «Публичная дипломатия и новая «старая» война: противодействие государственной дезинформации» (“Public diplomacy and the new “old” war: countering state-sponsored disinformation”).

«Экзистенциальный кризис» американской публичной дипломатии, как и короткий срок пребывания заместителей Государственного секретаря по публичной дипломатии на своем посту в XXI в. (в среднем 13 месяцев [8]), в совокупности с общим падением рейтингов восприятия США за рубежом в 2017 г. [7] и отсутствием единства среди американского истеблишмента после победы Д. Трампа привела, на наш взгляд, к доминированию логики информационного противостояния цифровой дипломатии этого периода. Ввиду чего в фокусе внимания американской цифровой дипломатии оказалась кибердипломатия, о чем свидетельствует активизация деятельности США в рамках диалога по Международной информационной безопасности (МИБ) на площадке ООН и внесение отдельной резолюции в 2018 г., в результате чего в рамках диалога впервые с 1998 г. появились два переговорных формата.

Данный тренд подтверждает и последовавшее закрепление этого приоритета в первый год администрации Дж. Байдена. В 2021 г. Конгрессом был принят Акт о кибердипломатии, в котором выделяется четыре основных государства, представляющих «угрозу в киберпространстве: Россия, Китай, Иран, Северная Корея» [12]. Также в 2022 г. в структуре Государственного департамента было создано Бюро по вопросам киберпространства и цифровой политики во главе с послом по

¹ Эхо-камера — понятие в теории СМИ, представляющее собой ситуацию, в которой определенные идеи, убеждения усиливаются или подкрепляются путем передачи сообщения или его повторением внутри закрытой системы; Пузырь фильтров — понятие, разработанное интернет-активистом Илаем Парайзером (англ. Eli Pariser) и описанное в его одноименной книге: негативная сторона персонализированного поиска, явления, при котором веб-сайты определяют, какую информацию пользователь хотел бы увидеть, основываясь на информации о его местоположении, прошлых нажатиях и перемещениях мыши, предпочтениях и истории поиска.

особым поручениям [15]. То есть данному вопросу был придан более высокий статус, чем ранее.

Важно отметить и тот факт, что пандемия COVID-19 стала шоковым фактором, способствовавшим срочному технологическому обновлению Государственного департамента. Поскольку со времен пребывания на посту Колина Пауэлла не наблюдалось масштабных инвестиций в IT-инфраструктуру государственного департамента, Бюро управления информационными ресурсами столкнулось с необходимостью масштабного обновления инфраструктуры [38]. Департамент перевел на дистанционную работу основную массу сотрудников, весь рабочий процесс был перенесен в облако Майкрософт. Новым IT-директором Ст. Макгуиганом был организован Совет по цифровой дипломатии, перед которым стояли приоритетные задачи по внутренней кибербезопасности и инфраструктуре данных [25]. Также в 2020 г. был назначен директор по данным и сформирован отдел аналитики, основной целью которого стало «использование данных для получения смелых идей, помогающих ... улучшить управление и принятие внешнеполитических решений, а также расширить доступ к данным в масштабах всего Департамента» [28].

В рамках отдела велась подготовка к завершению уже при Э. Блинкене Стратегии корпоративных данных (An Enterprise Data Strategy), которая предполагала принципиально новый подход к Департаменту как к единой системе. Стратегия стала логическим продолжением ряда федеральных программ, начатых предыдущими президентскими администрациями, и усилий Департамента по управлению знаниями. Объявленная инициатива Э. Блинкена по модернизации американской дипломатии [32], направленная, в частности, на формирование компетенций дипломатов по работе с данными, в целом отражает тренд на внедрение аналитики данных и искусственного интеллекта

не только в дипломатическую практику, но и в государственное управление в целом.

Заключение

Таким образом на основании трех выбранных критериев: институциональные изменения, доминирующая технология и приоритеты, было выделено три периода цифровой дипломатии США. Для всех трех периодов характерно наличие различных приоритетов, которые отразились как в институциональной структуре, так и в доминирующих технологиях. Разумеется, важно отметить, что приоритетные технологии, после того как оказывались в центре внимания, не исчезали из обихода, а скорее входили в разряд обыденности.

Для первого этапа цифровой дипломатии США с середины 1990-х до конца администрации Дж. Буша-мл. характерно наращивание IT-инфраструктуры, необходимой для реализации цифровой дипломатии в сегодняшнем понимании, а также внедрение внутренних платформ для управления знаниями на основе Wiki-технологии. Что касается взаимодействия с внешней аудиторией — Интернет и цифровые платформы на тот момент еще не были приоритетным каналом коммуникации, и скорее данный этап был периодом поиска оптимальных платформ и форматов взаимодействия. Наравне с общением на форумах, конкурсами видеороликов в этот период можно встретить и такие экзотические способы взаимодействия как джазовые концерты в виртуальной реальности. Но даже на примере DOT как наиболее изученного из кейсов данного периода, можно увидеть неготовность бюрократической структуры и корпоративной культуры Государственного департамента к скорости реакции, которую требует Интернет.

Основным отличием второго этапа цифровой дипломатии, начавшегося при Б. Обаме, стала его системность

	Институциональные изменения	Приоритеты	Технологии
1996–2008	Бюро по управлению информационными ресурсами (IRM)	Восстановление имиджа после вторжения в Ирак	Внедрение базовой IT-инфраструктуры
2009–2016	Центр стратегических контртеррористических коммуникаций (CSCC) Управление по кибервопросам	Снижение последствий финансового кризиса Борьба с терроризмом	Социальные сети
н.в.	Слияние Бюро информационных программ и Бюро по связям с общественностью Центр глобального взаимодействия (GEC) Центр аналитики Директор по данным (CEO) Бюро по вопросам киберпространства и цифровой политики во главе с послом по особым поручениям	Борьба с информационным влиянием России, Китая, Ирана и Северной Кореи.	Облачные решения Аналитика данных

и массовое внедрение использования социальных сетей в корпоративную культуру и ежедневную рутину американских дипломатов. Среди институциональных изменений этого периода наибольший интерес для исследователей может представлять создание Центра стратегических контртеррористических коммуникаций (CSCC), который, согласно декларативным целям, должен был бороться с «пропагандой воинствующего экстремизма и террористических организаций» [4], а также появление нового Офиса для координации дипломатических усилий в переговорах по кибервопросам. На фоне экономического кризиса 2008 года социальные сети, которые на первоначальном этапе своего внедрения представлялись недорогим, простым и эффективным способом коммуникации, к 2016–2017 гг. показали себя как куда более сложная в своем использовании технология.

Постепенная смена восприятия социальных сетей и интернета в целом нашла свое отражение в третьем этапе цифровой дипломатии США. Для этого этапа характерно перенесение логики

информационного противостояния и секьюритизация информационного присутствия в Интернете России, Китая, Ирана, что нашло свое отражение в принципах формирования GEC и стало поводом для слияния Бюро информационных программ и Бюро по связям с общественностью. Эта логика нашла свое закрепление и в юридической плоскости в Акте о кибердипломатии 2021 года. Кроме применения аналитики данных, доминирующей технологией данного периода можно назвать и облачные решения, внедренные во время пандемии COVID-19.

Таким образом, каждый новый этап развития цифровой дипломатии характеризовался доминированием различных технологий, приоритетов и институциональных изменений, что в свою очередь требовало применения принципиально разных административных и кадровых стратегий, так как во всех случаях новая технология требовала формирования нового набора навыков у дипломатов и изменения ряда административных процессов и схем принятия решения.

Литература

1. 2015 Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting [Электронный ресурс] // United States Advisory Commission on Public Diplomacy. — 2016. — URL: <https://www.state.gov/2015-comprehensive-annual-report-on-public-diplomacy-and-international-broadcasting/> (дата обращения: 17.11.2023)
2. Цветкова Н.А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения / Н.А. Цветкова // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. — 2020. — № 2 — С. 37–47.
3. A New Diplomacy for the Information Age [Электронный ресурс] // United States Advisory Commission on Public Diplomacy. — 1996. — URL: <https://www.state.gov/a-new-diplomacy-for-the-information-age-1987/> (дата обращения: 17.11.2023)
4. About Us — Global Engagement Center [Электронный ресурс] // United States Department of State. — URL: <https://www.state.gov/about-us-global-engagement-center-2/> (дата обращения: 18.11.2023)
5. Annual Report, “Diplomacy in the Information Age” [Электронный ресурс] // United States Advisory Commission on Public Diplomacy. — 1993. — URL: <https://www.state.gov/diplomacy-in-the-information-age-1993/> (дата обращения: 17.11.2023)
6. Appointment of Christopher Painter as Coordinator for Cyber Issues [Электронный ресурс] // United States Department of State. — URL: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/04/161485.htm> (дата обращения: 17.11.2023)
7. Artamonova U. International broadcasting reform in the light of US public diplomacy systemic crisis [Электронный ресурс] / U. Artamonova // Russia and America in the 21st Century. — 2020. — № 4. — P. 7–36. — doi: 10.18254/S207054760013295-1.
8. Artamonova U. Faceless Leadership of American Public Diplomacy: HR Crisis in the Post-Bipolar Era [Электронный ресурс] / U. Artamonova // World Economy and International Relations. — 2021. — Т. 65 — № 12 — С. 33–39. — doi: 10.20542/0131-2227-2021-65-12-33-39.
9. Berger J. The ISIS Twitter census: Defining and describing the population of ISIS supporters on Twitter [Электронный ресурс] / J. Berger, J. Morgan // Brookings. — URL: <https://www.brookings.edu/articles/the-isis-twitter-census-defining-and-describing-the-population-of-isis-supporters-on-twitter/> (дата обращения: 18.11.2023)
10. Burt R. Reinventing Diplomacy in the Information Age: A Report of the CSIS Advisory Panel on Diplomacy in the Information Age / R. Burt, O. Robison, B. Fulton. — CSIS, 1998. — 144 p.
11. Cull N.J. The Long Road to Public Diplomacy 2.0: The Internet in US Public Diplomacy [Электронный ресурс] / N.J. Cull // International Studies Review. — Wiley, 2013. — Т. 15. — № 1. — С. 123–139. — URL: <https://www.jstor.org/stable/24033171> (дата обращения: 17.11.2023)
12. Cyber Diplomacy Act of 2021 [Электронный ресурс]. — Senate of the United States, 2021. — URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/1251/text> (дата обращения: 18.11.2023)
13. Dizard W.P. Digital diplomacy: U.S. foreign policy in the information age / W.P. Dizard. — Westport, Conn: Praeger, 2001. — 215 с.
14. DoS IT Strategic Plan 2001–2005 [Электронный ресурс] // United States Department of State. — URL: https://1997-2001.state.gov/dept/irm/strat_plan/ITSP-Title.html (дата обращения: 17.11.2023)
15. Establishment of the Bureau of Cyberspace and Digital Policy [Электронный ресурс] // United States Department of State. — URL: <https://www.state.gov/establishment-of-the-bureau-of-cyberspace-and-digital-policy/> (дата обращения: 18.11.2023)
16. Glassman J.K. Public Diplomacy 2.0: A New Approach to Global Engagement [Электронный ресурс] / J.K. Glassman. — Department of State. The Office of Electronic Information, Bureau of Public Affairs, 2008. — URL: <https://2001-2009.state.gov/r/us/2008/112605.htm> (дата обращения: 17.11.2023)
17. Hallams E. Digital diplomacy: the internet, the battle for ideas & US foreign policy [Электронный ресурс] / E. Hallams // CEU Political Science Journal. — 2010. — Т. 5. — № 4. — С. 538–574. — URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Digital-diplomacy%3A-the>

- [internet%2C-the-battle-for-%26-Hallams/b0ffbcc9355361c6fea871713d3a20ba7f614bc9](#) (дата обращения: 18.11.2023)
18. International Strategy for Cyberspace. Prosperity, Security, and Openness in a Networked World. — Washington DC, 2011.
 19. IRM's Office of eDiplomacy [Электронный ресурс] // United States Department of State. — URL: <https://2009-2017.state.gov/m/irm/ediplomacy/index.htm> (дата обращения: 17.11.2023)
 20. Khatib L. Public Diplomacy 2.0: An Exploratory Case Study of the US Digital Outreach Team / L. Khatib, W. Dutton, M. Thelwall // Middle East Journal. — 2011. — Т. 66 — doi: 10.2307/23256656.
 21. Knowledge Leadership at State [Электронный ресурс] // United States Department of State. — Department of State. The Office of Electronic Information, Bureau of Public Affairs, 2007. — URL: <https://2001-2009.state.gov/m/irm/ediplomacy/c23841.htm> (дата обращения: 17.11.2023)
 22. Manor I. Are We There Yet: Have MFAs Realized the Potential of Digital Diplomacy? / I. Manor. — Brill Diplomacy and Foreign Policy, 2016.
 23. Manor I. The Digitalization of Public Diplomacy: Palgrave Macmillan Series in Global Public Diplomacy / I. Manor. — 1st ed. 2019 — Cham: Springer International Publishing: Imprint: Palgrave Macmillan, 2019. — 1 с. — doi: 10.1007/978-3-030-04405-3.
 24. National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2017. — Washington DC, 2016.
 25. Nyczepir D. State Department establishing new IT governance body [Электронный ресурс] / D. Nyczepir // FedScoop. — 2019. — URL: <https://fedscoop.com/state-department-it-governance/> (дата обращения: 18.11.2023)
 26. Nye Jr, J.S. How Sharp Power Threatens Soft Power [Электронный ресурс] / J.S. Nye Jr // Foreign Affairs. — 2018. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power> (дата обращения: 17.11.2023)
 27. Office of eDiplomacy [Электронный ресурс] // United States Department of State. — 2007. — URL: <https://2001-2009.state.gov/m/irm/ediplomacy/index.htm> (дата обращения: 17.11.2023)
 28. Office of Management Strategy and Solutions — United States Department of State [Электронный ресурс] // United States Department of State. — 2023. — URL: <https://web.archive.org/web/20230131040757/https://www.state.gov/about-us-office-of-management-strategy-and-solutions/#cfa> (дата обращения: 18.11.2023)
 29. President Obama Speaks to the Muslim World from Cairo, Егупт [Электронный ресурс] // The White House. — URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/node/13022> (дата обращения: 17.11.2023)
 30. Public Diplomacy and the New "Old" War: Countering State-Sponsored Disinformation (2020) [Электронный ресурс] // United States Department of State. — URL: <https://www.state.gov/public-diplomacy-and-the-new-old-war-countering-state-sponsored-disinformation/> (дата обращения: 18.11.2023)
 31. Rashica V. The Benefits and Risks of Digital Diplomacy / V. Rashica // SEEU Review. — 2018. — Т. 13. — С. 75–89. — doi: 10.2478/seeur-2018-0008.
 32. Secretary Antony J. Blinken on the Modernization of American Diplomacy [Электронный ресурс] // United States Department of State. — URL: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-on-the-modernization-of-american-diplomacy/> (дата обращения: 18.11.2023)
 33. Seib P. Real-time diplomacy: politics and power in the social media era / P. Seib. — 1. publ. — New York, NY: Palgrave Macmillan, 2012. — 199 с.
 34. Seo H. Three Korean perspectives on U.S. internet public diplomacy / H. Seo, D. Kinsey // Public Relations Review. — 2013. — Т. 39 — С. 594–596 — doi: 10.1016/j.pubrev.2013.06.006.
 35. Sharikov P.A. Evolution of american cyber security policies [Электронный ресурс] / P.A. Sharikov // World Economy and International Relations. — 2019. — Т. 63. — № 10. — С. 51–58. — doi: 10.20542/0131-2227-2019-63-10-51-58.
 36. Slides accompanying Under Secretary Hughes' testimony before the House Committee on Appropriations, Subcommittee on State, Foreign Operations, and Related Programs [Электронный ресурс] // United States Department of State. — Department of State. The

- Office of Electronic Information, Bureau of Public Affairs, 2007. — URL: <https://2001-2009.state.gov/r/us/2007/84807.htm> (дата обращения: 17.11.2023)
37. State Magazine: Office of the Month [Электронный ресурс] // United States Department of State. — URL: https://1997-2001.state.gov/publications/statemag/statemag_oct98/bom.html (дата обращения: 17.11.2023)
38. Stuart McGuigan — Former CIO of the Department of State — Aligning to the mission [Электронный ресурс]. — 2022. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=B94tzuaqNw> (дата обращения: 18.11.2023)
39. The 2010 Quadrennial Diplomacy and Development Review (QDDR): Leading Through Civilian Power [Электронный ресурс] // U.S. Department of State and the United States Agency for International Development. — URL: <https://2009-2017.state.gov/s/dmr/qddr/2010/index.htm> (дата обращения: 17.11.2023)
40. The Web, At the Creation [Электронный ресурс] // United States Department of State. — URL: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/ei/stategov/index.htm> (дата обращения: 17.11.2023)
41. Think Again Turn Away: The State Department Is Fumbling Online [Электронный ресурс] // TIME. — URL: <https://time.com/3387065/isis-twitter-war-state-department/> (дата обращения: 17.11.2023)